

дальше, потому что тогда дѣло это было уже давно раскрыто и кончено и самое званіе гетмана уничтожено, между тѣмъ какъ Панинъ благодарить за заговоръ, «въ настоящее время существующій». Достоверно только одно: что съ этимъ неизвѣстнымъ заговоромъ связано имя Бестужева...

Бестужевъ былъ центромъ, главнымъ столпомъ противупрусской оппозиціи и поэтому, естественно, и главной мишенью ударовъ Фридриха, но онъ и за болѣе мелкими противниками учреждалъ надзоръ своего посланника и обращалъ на нихъ вниманіе Панина. Такъ, узнавъ о прибытіи въ Петербургъ кн. Дашковой и Волкова, онъ пишетъ Сольмсу: «...надо выждать, какую роль они будутъ играть, появившись вновь на сценѣ. Признаюсь, появленіе послѣдняго мнѣ вовсе неприятно. Вы знаете, что въ царствованіе Петра III—государя, очень усердствовавшего относительно меня, этотъ интриганъ не переставалъ дѣйствовать во вредъ моимъ интересамъ¹⁾. Я убѣжденъ, что онъ снова представится гр. Бестужеву, и если только онъ приметъ какое-нибудь участіе въ дѣлахъ, то гр. Панинъ несомнѣнно встрѣтитъ его у себя на дорогѣ». Съ такой же полной безпокойства бдительностію слѣдили и за иностранными послами, особенно польскими и англійскими. Послѣдніе, впрочемъ, не много причиняли хлопотъ, потому что изъ пяти лицъ, депеши которыхъ напечатаны въ двухъ томахъ «Сборника Историческаго Общества», только одно лицо, вѣкій мистеръ Генри Ширлей, выказало дипломатическія способности, наблюдательность и умъ, да и тотъ не былъ посланникомъ, а только короткое время завѣдывалъ дѣлами посольства. Остальные не переходили границъ золотой посредственности, а посланникъ, долше всѣхъ оставшійся въ Петербургѣ, лордъ Каскартъ, представлялъ такую совершеннѣйшую бездарность и простоту, что конечно не могъ быть опаснымъ Фридриху. Онъ, въ наивности своей, даже не подозрѣвалъ громадности вліянія прусскаго короля и простодушно увѣрялъ своего министра, что получаемая имъ изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія объ этомъ невѣрны и что его прусскому величеству даже вовсе неизвѣстны переговоры его, Каскарта, о союзѣ съ Россіей. Это—въ то время, когда безграничное довѣріе Панина къ Сольмсу и самой Екатерины къ Фридриху позволяло прусскому двору знать каждый шагъ, дѣлавшійся, и каждое слово, произносившееся при русскомъ дворѣ! Разумѣется за дипломатомъ этого калибра не стояло и слѣдить. За то польскіе экстраординарные послы вну-

¹⁾ Онъ былъ, какъ извѣстно, усерднымъ и дѣтельнымъ сторонникомъ Екатерины.